

О некоторых итогах V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость», г. Екатеринбург

19–21 октября 2016 г. в Екатеринбурге на базе Уральского федерального университета состоялся V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Организаторами научного мероприятия традиционно выступили Российское общество социологов и Институт социологии Российской академии наук, успешно реализовавшие потенциал четырех предыдущих конгрессов: ВСК-I «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (г. Санкт-Петербург, 2000), ВСК-II «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (г. Москва, 2003), ВСК-III «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (г. Москва, 2008), ВСК-IV «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (г. Уфа, 2012).

В работе V Всероссийского социологического конгресса приняли участие более 1000 российских и зарубежных ученых из Белоруссии, Бразилии, Вьетнама, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Сербии, Украины, Финляндии, Японии и других стран, а программа конгресса включила 15 сессий, 37 секций и 35 круглых столов.

С приветственным словом перед российскими социологами выступили первый проректор Уральского федерального университета Д.В. Бугров, президент Международной социологической ассоциации М. Абрахам, представитель Бразильского общества социологов Т. Двайер, представитель Ассоциации социологов Кыргызстана К. Исаев, а также представители Ассоциации социологов Башкортостана С.В. Егорышев и Р.М. Валиахметов. Выступающие подчеркнули актуальность избранной темы конгресса, вектор для которой была задан еще на Всемирном социологическом конгрессе в Йокогаме в 2014 г. и конгрессе Европейской социологической ассоциации в Праге в 2015 г. Социальное неравенство и социальная справедливость многомерны по сферам своего проявления в жизни современного российского общества и находят свое выражение в политическом, экономическом, социокультурном, этническом, территориальном и профессиональном разрезах. Более того, как подчеркнула президент Всемирной социологической ассоциации М. Абрахам, данная тема актуальна не только для российского общества, решение проблем социального неравенства и соци-

альной справедливости присутствует в повестке дня большинства стран мира, опыт которых необходимо консолидировать. В этом плане необходимо учитывать особую роль социологов, которые должны не только анализировать и объяснять социальный мир человека, но и разрабатывать конкретные предложения по формированию гуманистического общества.

С пленарными докладами, задающими вектор конгресса и стремлений российской социологии, выступили академик РАН М.К. Горшков («Российское общество в контексте социологии неравенства»), вице-президент Российского общества социологов Г.Е. Зборовский («Региональные неравенства в высшем образовании России») и член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко («Травма общества: между эволюцией и революцией (опыт социологического теоретизирования)»). Так, директор Института социологии Российской академии наук М.К. Горшков отразил динамику и основные тенденции социального неравенства в современном российском обществе, используя результаты эмпирических исследований Института социологии РАН, а также показатели децильного коэффициента. Вице-президент Российского общества социологов Г.Е. Зборовский в пленарном докладе акцентировал внимание на необходимости перехода от линейной к нелинейной модели высшего образования в России, особенно на региональном уровне, где высшее образование должно стать драйвером социально-экономического, культурного и научного развития регионов. Член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко презентовал концепцию травмы общества, в рамках которой выделил ее сущностные характеристики, причины появления и следствия функционирования. Особое внимание Ж.Т. Тощенко уделил травме российского общества, которое длительное время стагнирует, пребывая в состоянии рецессии и поиска преодоления препятствий, стоящих на пути построения подлинно демократического, эффективно функционирующего общества.

Завершением пленарного заседания стал совместный доклад президента Российского общества социологов В.А. Мансурова и заместителя директора Института социологии РАН М.Ф. Черныша, проиллюстрировавший особую значимость для российского менталитета ценности социальной справедливости, которая выступает критерием оценки качества жизни в общественном сознании россиян.

В рамках V Всероссийского социологического конгресса состоялся круглый стол «Межэтнические отношения и национальная политика в современной России», организация и проведение которого были осуществлены научным коллективом Института социологии и регио-

новедения Южного федерального университета при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях»). Председателем круглого стола выступил научный руководитель Института социологии и регионоведения ЮФУ, д.филос.н., проф. Ю.Г. Волков, а модератором дискуссии – и.о. директора Института социологии и регионоведения ЮФУ, к.с.н., доц. А.В. Сериков.

Ю.Г. Волков

Солидарная активность как ресурс межнационального согласия в российском обществе

Солидарная активность как деятельность группы слоев российского общества, основанная на конструктивном взаимодействии граждан и государственных институтов с учетом общих приоритетов и ценностей, становится достоянием общественной жизни россиян, реализуясь в разнообразных формах и конкурируя в публичном дискурсе с традиционной гражданской активностью как деятельность, которая включена в процесс общественной регуляции и саморегуляции, но оппонирует государственным структурам, исходя из независимости от влияния государства и обязательности контроля над деятельностью государственных структур посредством гражданских ассоциаций и групп интересов. В контексте солидарной активности субъектами общественной деятельности становятся не только организации, претендующие на представление интересов населения в правозащитной, экологической, культурной сферах.

Солидарная активность, будучи формой социальной и политической самодеятельности различных групп, ориентированной на разделение сферы ответственности между обществом и государством, влияет на состояние межнациональных (межэтнических) отношений. Очевидно, что государствоцентричная матрица национальной политики, основанная на включении межнациональных отношений только в сферу властных институтов российского общества, демонстрирует ограниченность влияния, с задержкой реагируя на вызовы российского общества, связанные со сложностью его этнодемографической струк-

туры, рецидивами этнократии, изменениями в этнокультурных установках населения.

В рамках традиционной активности монополию на выражение интересов этнических групп пытаются воплотить организации, которые, дистанцируясь от интересов целостности и стабильности Российского государства, используют этнический ресурс, чтобы присвоить экономические, властные, символические преимущества и тем самым повысить статусное положение в социальном пространстве.

В рамках утверждения приоритета политических прав и свобод традиционные гражданские структуры, не обладающие этнической ориентированностью, занимают нейтральную, а иногда потворствующую позицию проявлениям этнонационализма, что реализуется в защите независимости общественных организаций (как это наблюдается в ситуации с крымско-татарским меджлисом) или поощрении этнодистанцирующих практик, связанных якобы с борьбой против этнически избирательного подхода властных структур. Причина, вероятно, в том, что в качестве образца деятельности выступает схема западных правозащитных структур, которые, придерживаясь идей мультикультурализма, толерантности и политкорректности, стимулируют этнизацию социальных проблем посредством этнической риторики. Принцип верховенства прав человека, принимаемый как основа конституирования государственности, позволяет сделать вывод о том, что личность имеет право на самовыражение, но при этом под видом борьбы с негативными стереотипами и ксенофобией оправдываются этноцентристские и этносепаратистские настроения.

Соглашаясь с тем, что гражданская активность в виде дистанцирования от сотрудничества с государством может стимулировать деструктивные процессы в межнациональных отношениях, следует констатировать, что в российском обществе проблема гармонизации межнациональных отношений заключается в том, что не найдены адекватные формы оптимизации межнациональной сферы в новых экономических и политических условиях. Очевидно, что советский опыт создания многонационального народа как новой суперэтнической общности с несомненными достижениями в укреплении стабильности межнациональных отношений не может быть перенесен в общество, где существуют социальные неравенства, проявляются региональные диспропорции, возникло этнонациональное дистанцирование. Следует учитывать, что в 90-х гг. XX в. в отдельных республиках в условиях суверенизации, распада единой системы образования и возвращения к архаичным идентичностям сформировались и отчасти воспроизводят-

ся в нынешних условиях этноцентристские установки массовых настроений как схемы восприятия и оценивания социальных и социально-политических процессов российского общества.

Мониторинг общественных настроений свидетельствует о том, что 39 % респондентов оценивают межнациональные отношения как «внешне спокойные», но внутреннее напряжение существует. Речь не идет о когнитивном диссонансе. В большей степени напряженность межнациональных отношений зависит от недавних межнациональных конфликтов и проявлений этнодискриминации. В контексте вышесказанного очевидным становится, что позитивный сценарий развития межнациональных отношений связывается со становлением российской гражданской нации, с укреплением гражданской идентичности, которые органично включаются в систему солидарной активности как деятельности, ведущей к выработке консолидированной позиции в отношении и решении социально значимых проблем вне зависимости от этнокультурных и этноконфессиональных критериев.

Таким образом, появляясь на социальном микроуровне, направленном на совместное обустройство территории, поддержание общественного порядка, соседскую взаимопомощь, солидарная активность становится ресурсом межнационального согласия и мира на социальном макроуровне. Как свидетельствует опыт недавнего прошлого, этноконфликтность возрастает в условиях политической апатии граждан, отсутствия реального влияния на властные и управленческие процессы. Социальной эмпатии к представителям других национальностей недостаточно для того, чтобы испытывать чувство коллективной общности, ввести формулу межнационального мира и согласия в алгоритм общественной деятельности. Солидарная активность является ресурсом межнационального мира и согласия, так как позитивный опыт, накопленный в повседневных практиках, формирует готовность участия в совместных социальных проектах, что требует доверительных, партнерских отношений с властными структурами.

Терпимость к этническим различиям в российском обществе должна конвертироваться в доверие и сотрудничество между различными этническими и социальными группами, чтобы межнациональное согласие и мир стали фактором социального и политического развития. Активная жизненная позиция россиян, таким образом, демонстрирует, что совместное участие конструктивно при правовой и организационной поддержке со стороны, поэтому важно стимулировать солидарную активность как диалог общества и власти. Россияне видят влияние этничности на социальную жизнь в том, чтобы устранить дис-

пропорции предоставления жизненных возможностей независимо от этнического статуса. Как видно из результатов исследований, существуют две проблемы: проблема ущемления прав или возможностей из-за национальности (5,5 %) и проблема преодоления неуважительного отношения к национальным особенностям, которые проецируются на доступ к власти, престижу, обладанию собственностью. Следует подчеркнуть, что очень значимо информирование населения об опыте межнационального сотрудничества, о совместной деятельности представителей различных этнических групп на уровне местного самоуправления, в производственных коллективах, в студенческой жизни. Говоря об этом, можно согласиться с тем, что солидарная активность – это система оценочных отношений межнационального мира и согласия, которая формирует ответственность за состояние межнациональных отношений в стране.

Г.Г. Силласте

**Актуальные вопросы исследования
межнациональных / межэтнических отношений
в российской социологии**

Система межнациональных отношений является наиболее дискуссионной в современном научном и общественно-политическом дискурсе. В этой связи хотелось бы сделать несколько акцентов. Во-первых, существует ли семантическая разница между понятиями «межнациональные отношения» и «межэтнические отношения»? Этот вопрос встал в конце 1980-х гг. До этого времени всегда ставился вопрос о межнациональных отношениях. Если мы раньше действительно говорили о межнациональных отношениях, то имели в виду субъекты национальной политики в составе общего государства – СССР, где республики имели весь перечень юридических, культурных и других прав, и тогда совершенно правильно ставился вопрос о межнациональных отношениях. Кто является субъектом этих отношений сейчас? И в этом контексте, если посмотреть на постсоветский период времени, с конца 1980-х гг. проблема стала перемещаться в контекст межэтнических взаимодействий.

Во-вторых, сегодня в сфере регулирования межэтнических отношений проблема культуры или культуры как конфликтогенной сферы ушла. Не в сфере культуры развиваются сегодня межгрупповые

контакты. Они перешли сегодня в периферийные сферы. Спорт стал фактически массовым политически конфликтогенным фактором. Еще одна сфера – образование. Поэтому в этом контексте это проблема не политического прошлого, того, что мы называли межнациональными отношениями, сегодня практически мы имеем дело с пониманием этноса, его меры свободы в том пространстве, которое находится сегодня в общероссийском социуме. Национальная политика на этот вопрос не отвечает.

В-третьих, дело в том, что если мы говорим о межэтнических отношениях, то это сегодня внутренняя проблема российского социума. И в этом плане во Франции, Германии, США в конфликт входят не наши традиционные республики. Конфликтогенная зона там сосредоточена на уровне мигрантов откуда-то и титульной нации. И здесь в этом плане мы действительно не подготовлены принимать то, что раньше когда-то было принято. Раньше таджики и сегодня таджики в нашем восприятии – это разные вещи. Если раньше это был конфликт интересов, прежде всего конфликт межличностных отношений, то на сегодняшний день это уже конфликт поведения.

В-четвертых, маленькие нации всегда держатся за этническую идентификацию сильнее, чем любая другая крупная нация. Это тоже определенный элемент конфликтных ситуаций. Миграция на сегодняшний день стала по существу базовым полем, где концентрируются межэтнические конфликты в России. Кроме того, сегодня межэтнические конфликты ушли из прямого политического поля. Это по сути бытовые конфликты. И это вопрос бытовой этнической культуры.

В-пятых, в начале 1990-х гг. мы отказались от маркеров национальной дифференциации (статьи в паспорте «национальность») и фактически утратили национальную структуру общества. Сегодня мы дифференцируем только по принципу владения языком: владею полностью (пишу, читаю, говорю), владею отчасти (пишу, говорю или читаю, говорю), не владею совсем (не читаю, не пишу, не говорю). Следовательно, теперь невозможно социологически идентифицировать респондентские группы. По сути, сегодня мы поставлены в положение, когда социология пытается сохранить этнический мир России, проводя исследования и внося вопрос о национальной принадлежности респондента.

В-шестых, проблема межнациональных браков. В СССР межнациональные браки составляли 22 %. На сегодняшний день ни один исследователь не приводит цифры, даже приближающиеся к советской статистике. Наоборот, идет обратный процесс – монобраки, моносостояния, в которых сохраняется защитная среда для этноса. В заклю-

чение хотелось бы отметить, что, войдя в сферу межэтнических отношений, мы имеем огромный исторический багаж, но фактически им не пользуемся. Это сфера и для публицистики, и для социологии, и для политического управления.

Г.С. Денисова

Неформальные институциональные практики как фактор снижения межэтнической напряженности

Формальные и неформальные практики в реальной жизнедеятельности тесно переплетены друг с другом и формируют социокультурную специфику жизненного мира конкретного общества. Первую группу составляют неформальные практики в неформализованной нише принятия решений, которые заполняют некоторые пустоты, возникшие между формальными практиками, тем самым их укрепляя. Но при этом действующими субъектами осознается высокая вероятность возникновения коррупционной составляющей. Вторая группа – формальные нормы как инструмент реализации неформальных договоренностей – напротив, полностью соответствуя формальным практикам, в реальной действительности их искажает, тормозит их реализацию. Третью группу – неформальное игнорирование формальных норм – составляют неформальные практики, которые вытесняют формальные: «на место формальных правил ставятся более удобные для участников неформальные схемы взаимодействия» (например, нецелевое использование субсидий для оптимального решения проблемы, для которой получены субсидии).

Длительная история соседского сосуществования этнических общностей при регулирующем влиянии права обусловила закрепление эффективных норм взаимодействия в неформальных институциональных практиках межэтнического взаимодействия. Их игнорирование на уровне официальных практиках не отменяет их воспроизводства и давления на правовые нормы регуляции. Можно предположить, что в сфере межэтнических отношений также можно выделить три типа неформальных практик, оказывающих разное влияние на эффективность функционирования политико-правовой системы регуляции:

1. Неформальные практики в неформализованной нише принятия решений, направленные на снижение межэтнической напряженности. Федеральные структуры исполнительной власти, выдвигая задачу

поддержки развития этнических культур, не детализируют регламент ее реализации в конкретном субъекте. Вместе с тем ее реализация определяется специфическими региональными условиями: этнокультурной мозаикой населения, способами влияния этнических групп на исполнительную власть, различием социальных и культурных ресурсов этнических групп и др., которые обуславливают возникновение неформальных практик. Например, К. Казенин на эмпирических материалах двух районов Карачаево-Черкесии описывает неформальные практики, направленные на предотвращение межэтнических конфликтов. Неформальные практики гармонизации межэтнических отношений, инициированные армянской диаспорой в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Ростове-на-Дону, описаны также в работах ряда исследователей. Они реализуются в сфере культурного просвещения и развития межкультурного взаимодействия: создаются курсы по обучению русскому и армянскому языкам, строятся церкви, учреждаются газеты и журналы, издаются учебные пособия и литературные произведения. Наряду с общественными инициативами национально-культурных обществ, которые закрепились в неформальных институциональных практиках, в современной литературе рассматриваются также неформальные практики, субъектами которых выступают различные общественные (координационные) советы. Они сформированы на основании представительства различных общественных организаций, научного сообщества, представителей культуры, бизнеса. Главное направление их деятельности – не только представлять этнические нужды и потребности, но и проводить межэтнические дискуссии и создавать пространство для конструктивного взаимодействия этнокультурных общественных организаций.

2. Неформальные практики как инструмент реализации интересов. Этот тип неформальных практик, который в той ли иной степени затрагивает межэтнические отношения, в литературе практически не рассматривается, хотя иногда упоминается. Речь идет о взаимодействии представителей этнической общины с административными органами власти в ситуациях, когда обнаруживается конфликт интересов. Например, в повседневных жизненных практиках в условиях Ростовской области представители этнокультурных общин (турки-месхетинцы, аварцы) сталкиваются с ситуациями, разрешение которых в необходимый короткий срок требует позитивных взаимодействий с администрацией районов (например, традиционный ритуал захоронения, который не предполагает дополнительного времени на медицинское освидетельствование). Предмет этих взаимодействий – преодоле-

ние препятствий, заложенных в административном регламенте разрешения возникших ситуаций. Для этого, как правило, используют теневые практики урегулирования проблемы, позволяющие обходить установленные административные правила. Неформальные практики широко используются также при получении земли в аренду или трудоустройстве выходцев из северокавказских республик в других регионах России. Описанные практики оказывают негативное влияние на сферу межэтнических отношений, так как представители органов власти этнической общиной всегда воспринимаются в этнической характеристике – как «русская власть». Поэтому приобретенный негативный опыт использования формальных практик для реализации интересов интерпретируется в негативной оценке «русской власти».

Неформальные практики как игнорирование формальных норм в сфере межэтнических взаимодействий также описаны крайне мало и схематично. В частности, рядом авторов, например, указывается на этническое квотирование мест в органах власти. Наиболее часто об этом говорится в связи с Дагестаном, но этот принцип работает во всех республиках Северного Кавказа. При наличии конституционных норм, игнорирующих этническую принадлежность, существуют неформальные практики закрепления должностей в исполнительной и представительской ветвях власти в соответствии со статусными позициями этносов в социально-демографической структуре населения республики: чем выше статус (что определяется численностью этнической группы, ее историко-культурными символическими характеристиками), тем более значимая должность в структурах власти закрепляется за этнической группой. В Дагестане, в частности, были законодательно закреплена формирование Госсовета по этническому представительству – по одному от каждой национальности (14 представителей), были сформированы также и национальные избирательные округа, так как этнокультурные общины компактно расселены по определенным территориям. Данный принцип реализуется при формировании не только органов власти субъекта, но и властных органов на уровне районов и сельских поселений во всех республиках Юга России. Сохранению этих и подобных практик сегодня способствует поддержание привилегированного статуса тех или иных регионов, в частности, республик Северного Кавказа, Дагестана, Чечни – в первую очередь. Опора федеральной власти на них во втором десятилетии XXI в. обусловила в значительной степени переход к режиму «ручного управления» в организации федеративных отношений.

Инициаторами использования неформальных практик для регулирования или предупреждения межэтнической напряженности (конфликтов) могут выступать также административные органы. В частности, административные структуры сельских поликультурных районов для контроля за правопорядком в вечернее время прибегают к созданию своеобразных «дружин», сформированных на основе квотного представительства этнических общин; или используют лидеров этнических общин для организации их деятельности. По сути, при взаимодействии с общинами администрация использует не принцип гражданского права и индивидуальной административно-правовой ответственности, а опору на неформальные этнокультурные практики.

ПОЗИЦИЯ ЭКСПЕРТА

Профессор А.Л. Маршак: «Межэтнические отношения имеют определенный культурный дискурс. При этом рассматриваются в этом ключе преимущественно в негативном ракурсе по одному и тому же алгоритму: диаспоры приходят в другие регионы, привносят свою культуру, и создается некая конфликтогенная ситуация. Однако это далеко не так. Когда происходит взаимообмен культур, то возникает новая форма культурных отношений, развивающих культуру в целом. Именно в этом сила российской культуры, так как учитывает разные формы культур. Еще в древние времена это взаимопроникновение культур способствовало формированию общенациональной российской культуры. Поэтому, когда мы рассматриваем межэтнические отношения и культурный дискурс в этом плане, мы должны иметь в виду, что здесь происходит не только негативное влияние, но и в значительной степени позитивный момент, связанный с взаимопроникновением».

Профессор В.А. Чигрин: «Хотелось бы дополнить реплику о потенциале взаимопроникновения культур. В 2016 г. нами проведено исследование по заказу Министерства образования и науки РФ, в ходе которого были опрошены 4000 учеников старших классов, студентов, родителей учеников и студентов, преподавателей и учителей, активистов общественных организаций. В результате подавляющее большинство респондентов демонстрируют ориентацию на расширение знаний о культурах тех народов, которые населяют Крым (а их больше 160). В данном случае именно Крым является одной из благодатных экспериментальных площадок для взаимопроникновения культур».

Профессор Н.Г. Скворцов: «Идея взаимопроникновения выглядит весьма спорной. Например, в Москве о проникновении кавказской культуры в повседневную область общественных отношений говорить не приходится. Этничность конфликтогенна при несовпадении уровней культуры. Мы имеем исследования азербайджанской диаспоры в Санкт-Петербурге. Актив диаспоры представляет собой высококультурное сообщество, возглавляемое отставным генералом. Но основной массив диаспоры – это трудовые мигранты, гастарбайтеры, торговцы. Поэтому официальные институты диаспоры далеко не всегда имеют авторитет среди ее массива. Это совершенно разные миры, и они никогда не пересекаются. Соответственно, и стереотипы восприятия разные. В Санкт-Петербурге в течение нескольких лет реализовывалась социальная программа “Толерантность”, объектом которой выступали дошкольные учреждения и начальные классы средней школы. Цель программы состояла не в этнокультурном просвещении, а в гражданской консолидации на основе общих ценностей и установок».

Профессор В.А. Авксентьев: «В Ставрополе по заказу краевого комитета по делам национальностей с 2011 г. мы проводим мониторинг состояния межэтнической напряженности. Национальная проблематика переместилась в 2015–2016 гг. с третьего-четвертого места на пятое. При этом, по экспертной оценке, состояние напряженности не изменилось по сравнению с прошлыми годами. Любой незначительный инцидент в состоянии вызвать большой конфликт (примеры у нас имеются). Даже ряду случаев (например, отчислению студентов из вуза) могут в условиях напряженности придаваться этнические краски. Одновременно власть, официальные СМИ сегодня табуируют тематику межнациональных (преимущественно бытовых) конфликтов, что вызывает недовольство и протесты в сфере неформальной коммуникации, Интернете, выводит конфликты из-под контроля государства. В то же время есть масса примеров, когда замалчивание информации приводит к нейтрализации конфликта, и он угасает. Здесь должно появиться управленческое искусство: когда дать информацию, каким образом ее подать, а когда о ней лучше умолчать. Когда Интернет взорвался, тут ее замалчивать нельзя. Но когда информации еще нет, лучше не инициировать процесс ее распространения».